

Е. А. М. <Москов Е.А.>

Вишневый сад... К

сегодняшней

постановке // Новое

русское слово. Нью-Йорк,

1941. 9 мая. № 10317. С. 3.

ВИШНЕВЫЙ САД . . .

К СЕГОДНЯШНЕЙ ПОСТАНОВКЕ

ЧЕХОВА больше почувствовали, чем поняли иностранцы. Помогло этому сильное впечатление от «чеховского» московского театра.

Но и среди русских чеховская печаль нашла далеко не у всех умные понять в ней три драгоценных русских черты,—жалость, веру в человека и надежду.

—Скучна такая жизнь трех сестер,—слышим мы. В свое время мы пожалели отошедших от жизни «чаек», Раневских, Астровых, но зачем вспоминать эту печаль, после так тяжело пережитого нами, зачем еще раз напоминать нам, что мы сами потеряли и чем мы стали? Если кругом так мало света, если у нас каждый год отнимает веру в лучшее, зачем вы подчеркиваете серое прошлое?

Будь это так, пожалуй, с постановками Чехова можно было бы обожать. Но в чеховской грусти не все печально уже потому, что в том же «Вишневом Саду» столько чеховского юмора, что нельзя удержаться от здорового и добродушного смеха.

То, от чего устала старая Европа за много столетий борьбы за те самые права человека, которые так четко записаны в американской Декларации 1776 года,—прошло в России в невероятно короткое время,—мнее ста лет.

Можно ли удивляться тому, что к концу такого прошлого века пришла усталость, а с нею—потеря бодрости у мечтавших, и—вымирание тех, кому надо было уходить по своей бесполезности?

Но остановиться на печали о них Чехов не мог. Он хорошо знал русскую жалость. Великое русское слово—пожалеть,—не снисходительно обидно, но—понять, простить и помочь мирно уйти в прошлое. И не надо размечтаться, не надо и жертвы для того, чтобы потерявшая все по своему птичьему легкомыслию Раневская дождала где-то в уездном городе без голода и холода свою старость.

Смеяться над несуразным Епиходовым легко, но высмеивать ли таких за то, что им не дали соей доли того просвещения, которое унесли с собою из университетов более счастливые. Кулак Лопахин написан не так грубо. Бодрый, сильный, без неврастенин, он не понимает поэзии вишневого сада, в котором все было в цветах. Но там же выросли и Гаевы, доживавшие беспечно на готовом, на пороге новой России. Не ждать от Лопахина жертвы на народный университет, но в земстве он не станет спорить против школ и больниц, когда поднимается его завод на срубках вишневого сада.

Чехов мягко отодвигает непригодных и зовет верить в зарю новой жизни.

Без жестокости, но и без пощады Чехов дает отмирать и умирать бесполезным старым корням. Он не сочиняет типы еще не сложившихся в его серое, усталое время новых деятелей, но он угадывает их вдали чутьем русского писателя. Он знает, что придут из народа, не дорожками старого сада среди розовых клумб, но придут через тяжелую дорогу нашего века.

После вечера «Вишневого Сада», с его чеховской грустью, уходишь, беря Чехова во всем его призыве,—не только понять и пожалеть, но и строить другую, свежую и новую жизнь.

Е. А. М.